

Содержание

Предисловие.....	9
Борис Львович Рифтин: синолог, фольклорист, филолог	
<i>С.Ю. Неклюдов, И.С. Смирнов</i>	
Академик синологии	15
<i>Тан Мэн Вэй</i>	
Вклад академика Б.Л. Рифтина в развитие на Тайване типологических фольклористических исследований и синологии.....	24
Восток – Запад: диалог культур	
<i>Е.К. Симонова-Гудзенко</i>	
Символика в картине Сиба Ко:кан (1738/1747–1818) «Встреча трех мудрецов Японии, Китая и Запада»	33
<i>М.В. Грачев</i>	
Становление «политического мифа» в японских исторических источниках второй половины VIII – начала IX в.: чужестранцы в оценке людей государева двора	61
<i>К.М. Тертицкий</i>	
И.А. Крылов и переводы китайских текстов в журнале «Атеней» (1828–1829)	81
Религиозные тексты и практики	
<i>И.В. Белая</i>	
Мифопоэтический язык как средство описания даосских методов совершенствования в стихотворениях Сунь Бу-эр.....	99

П.Д. Ленков

- Буддийское и даосское в сотериологии
позднего даосизма: Тело Закона (*дхармакая*)
(по материалам *Лун мэнь синь фа*, XVII в.) 119

В.М. Майоров

- Тайваньские книги добра на историческом фоне
«Мин синь бао цзянь» 132

К.Г. Маранджян

- Буддийская практика «медитации над девятью
этапами смерти» (Кусо:кан 九相觀)
и ее презентации в японской культуре 146

Н.А. Чеснокова

- «Толкователи знаков» и их роль
в строительстве корейской государственности:
Корё (918–1392) и Чосон (1392–1897) 161

Народные верования: культуры, обряды, гадания**Е.В. Гордиенко**

- Современные устные интерпретации
повествований о духах во Вьетнаме
по материалам полевых исследований культа
духов-покровителей общин (*тханьхоанг*) 183

А.Д. Цендина

- Гадательные практики монголов 199

Ж.М. Юша

- Обряд освящения обо (*оваа дагыры*)
в культуре тувинцев Китая 207

Литературные жанры и фольклорные сюжеты**О.М. Мазо**

- О непростой судьбе почтительного сына Дин Ланя 223

Б.Ю. Сенглеев

- Описание поединка в преданиях о Мазан-батыре:
эпические параллели 248

А.Б. Старостина

- Благодарный мертвец как сват:
к вопросу о миграции сюжетов 267

Л.В. Стеженская	
Два жанра диалога в освещении средневекового	
китайского теоретика литературы Лю Се	281
 Традиции в современном мире	
В.Б. Виногродская	
«Маленький монах Ичань» и «бульон	
для души» — концепты, запросы и контент	
в китайском интернете	297
Е.В. Волчкова	
Лисица, свинья и кролик: божества-покровители	
в приворотной магии современного Тайваня.....	312
Р.С. Лашин	
Май Цзя — некитайский китайский писатель:	
генезис жанра шпионского романа	
на китайском языке.....	331
Об авторах	345
Abstracts.....	348
Contents	364

Предисловие

Мы представляем заинтересованному читателю коллективную монографию, замысел которой призван отразить многообразие исследовательских направлений — как локальных, так и междисциплинарных — видного отечественного ученого, академика РАН Б.Л. Рифтина. Потребовалось много усилий авторов разных поколений, профессиональной выучки, таланта, наконец, чтобы в весьма приблизительной полноте представить редкую многогранность его научных устремлений — тематическую, хронологическую, географическую.

Для того чтобы оценить масштабность задачи, достаточно ознакомиться с первым разделом книги, в котором коллеги, друзья, ученики Б.Л. Рифтина рассказывают о его научной судьбе. Статья С.Ю. Неклюдова и И.С. Смирнова, при всей ее краткости и эскизности, — самый полный на сегодня очерк сделанного Б.Л. Рифтиным в науке. Тан Мэн Вэй дополняет ее «тайваньским эпизодом» в жизни ученого: несколько лет Борис Львович провел на острове, занимаясь полевыми исследованиями фольклора коренных народностей и бытующих там различных версий легенды о Гуань-гуне. Благодаря любезности С.Ю. Неклюдова раздел дополнен уникальными фотографиями из его личного архива, запечатлевшими в том числе Б.Л. Рифтина, неоднократно в 70-е годы езившего в экспедиции в Монголию.

Второй раздел посвящен восприятию и осмыслению иных культур как на Востоке, так и на Западе, а также неизбежной трансформации, которой подвергается в ходе этого процесса чужая традиция. Диалог культур Японии, Китая и Запада анализирует Е.К. Симонова-Гудзенко на примере символически насыщенного и наполненного аллегориями свитка японского художника XVIII в. Сиба Ко:кан. Исказенная интерпретация дипломатической практики при дворе китайского императора эпохи Тан, как демонстрирует в своей статье М.В. Грачев, легла

в основу складывавшегося политического мифа об исключительности японской империи. В свою очередь, формирование образа Китая в России в первой половине XIX в., как показывает статья К.М. Тертицкого, происходило в том числе через фильтр переводов на западные языки и отражало структуру интересов образованной части российского общества.

В третьем разделе речь идет не только об институциональных религиях — даосизме и буддизме, — но и о придворных гаданиях, не относящихся непосредственно к таким религиям, а также о современных тайваньских «книгах добра» (*шань шу*), которые существуют на периферии поля народных религий. Обе статьи о даосизме посвящены разным этапам развития школы Цюаньчжэнь. И.В. Белая исследует мифопоэтическую образность стихотворений даосской наставницы XII в. Сунь Бу-эр, входившей в число основателей этой школы. П.Д. Ленков разбирает некоторые проблемы интеграции буддийских элементов в сотериологию той же школы на материале трактата XVII в. «Лун мэнь синь фа». В статье К.Г. Маранджян дана характеристика японскому изобразительному жанру, начало которому положила буддийская практика «медитации над девятью этапами смерти», а также рассмотрена традиция поэтических текстов, связанных с этим жанром. Исследование Н.А. Чесноковой освещает роль придворных гадателей («толкователей знаков»), специалистов в области «теории о ветрах и водах», в сакрализации власти монарха в средневековой Корее. В.М. Майоров сравнивает современные «книги добра», ходящие на Тайване, с принадлежащим к тому же жанру памятником XIV в. «Мин синь бао цзянь», прекратившим циркуляцию в материковом Китае, но оставшимся востребованным в других странах региона, и приходит к выводу о том, что из «побуждающих к добру» сочинений преимущественно секулярного содержания *шаньшу* трансформировались в религиозные тексты.

В четвертом разделе собраны исследования, посвященные актуально-мифологическим представлениям, отраженным в повествовательных и ритуальных практиках народов Вьетнама, Монголии и Китая. В материалах Е.В. Гордиенко и Ж.М. Юша рассмотрены современные культуры локальных духов, связанных с родовыми и общинными традициями. Е.В. Гордиенко уделяет большее внимание устным дискурсивным практикам

и анализу интерпретационных моделей повествований о духах-покровителях общин (*тханъоанг*) во Вьетнаме. Исследование Ж.М. Юша сосредоточено на рассмотрении и анализе обрядовой практики освящения ритуальных сооружений (*обо*) у современных тувинцев Китая. В статье А.Д. Цендиной рассматриваются гадательные практики монголов, известные по письменным источникам. Особое внимание в работе уделено анализу переводного памятника «Нефритовая шкатулка», чрезвычайно популярного в монгольской среде в XIX в.

В пятом разделе, посвященном литературе и фольклору, рассматриваются особенности китайских литературных жанров, фольклорные сюжеты народов Китая и особенности калмыцкого эпоса. Китайской словесности посвящена статья Л.В. Стеженской. Автор подробно разбирает жанровые особенности диалогов *дуйвэнь* (ответ на вопрос) и *дуй* (экзаменационный ответ на вопрос, заданный в специальном императорском эдикте), описанных в средневековом трактате Лю Се «*Вэнь синь дяо лун*». В статьях по китайскому фольклору рассмотрено взаимодействие с инокультурными сюжетами. А.Б. Старостина, анализируя рассказ «Моу Ин» из средневекового сборника «*Сяо Сян лу*» («Записи с берегов рек Сяо и Сян»), показывает, что в нем впервые зафиксирован сюжет о свате-мертвеце, пришедший в Китай с Запада. В статье О.М. Мазо обсуждаются варианты нарративов о почтительном сыне Дин Лане в различных регионах Китая, а также их связи с сюжетами преданий *ицзу* и *лаху*. Б.Ю. Сенглеев исследует сюжет и структуру описаний поединков героя калмыцкого исторического фольклора Мазан-батара и сравнивает их с другими эпическими традициями.

Последний раздел исследует проблему преломления классических жанров, верований и традиций в современном мире с его новыми запросами и средствами выражения. В.Б. Виногродская анализирует популярный продукт китайских «новых медиа» в стиле «куриный бульон для души» и возводит его к традициям дидактических сочинений, афоризмов «чистых бесед» и чань-буддийских притч. В статье Е.В. Волчковой рассматривается трансформация культов божеств-покровителей приворотной магии в контексте эволюции народной религиозной традиции современного Тайваня. Р.С. Лашин на основании творчества писателя Май Цзя показывает, как в Китае был переизобретен

жанр шпионского романа, синтезировавший западную литературную традицию с элементами жанра «красной классики» и отражающий растущий в китайском обществе спрос на патриотическую героику.

Творчество Б.Л. Рифтина вдохновляет на продолжение разработки начатых им тем. В числе результатов этой деятельности — основание регулярной международной конференции «Рифтинские чтения», а также издание данной коллективной монографии, которую можно назвать продолжением фестширифта к 75-летию академика Б.Л. Рифтина «Китай и окрестности: мифология, фольклор, литература» (2010).

*Е.В. Волчкова, О.М. Мазо, И.С. Смирнов,
А.А. Соловьев, А.Б. Старостина*

БОРИС ЛЬВОВИЧ РИФТИН:
СИНОЛОГ, ФОЛЬКЛОРИСТ,
ФИЛОЛОГ

Академик синологии

С.Ю. Неклюдов,
И.С. Смирнов

Б.Л. Рифтин (1932–2012) – известный отечественный китаевед, доктор наук, академик РАН. Статья посвящена основным направлениям его научной деятельности, в частности вкладу в изучение китайских классических романов, китайской и монгольской устной сказовых традиций, китайской мифологии, мифологии аборигенов Тайваня, дунганского фольклора, китайского лубка (*няньхуа*) и истории русского китаеведения.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: Б.Л. Рифтин, российская синология, китайский фольклор, китайская литература

В гуманитарном знании есть области, редко посещаемые исследователями. Это не значит, что они хорошо изучены или малозначительны для культуры (и мировой, и национальной); зачастую дело обстоит как раз противоположным образом. Причина невнимания к ним обычно обусловлена инерцией научной традиции, которая следует когда-то сложившимся приоритетам и не испытывает потребности в их корректировке. Положение специалистов в данных областях двойственno: с одной стороны, их уникальность несомненна и, как правило, признается научным сообществом, но с другой – такой специалист не может не испытывать своего рода «научного одиночества», обусловленного дефицитом диалогических отношений с коллегами, не владеющими или не интересующимися его предметом.

Подобным предметом является китайский фольклор. Отношение к культуре Китая почти исключительно как к письменной привело к тому, что тексты китайской устной словесности (на самом деле чрезвычайно обширной), как и вообще народные традиции Китая, изучались относительно мало – во всяком случае, за пределами своей страны. Специалисты в данной области

чрезвычайно редки, за долгие годы востоковедческих занятий нам посчастливилось встретить (опять-таки за пределами Китая) лишь одного китаеведа-фольклориста — Бориса Львовича Рифтина (нынче, трудами его учеников, ситуация несколько улучшилась), хотя, конечно, синологическая квалификация этого замечательного ученого подобным определением отнюдь не исчерпывается.

Область научных исследований Б.Л. Рифтина — китайский классический роман и устная сказовая традиция, дунганский фольклор и китайское народное искусство, китайская мифология и мифология аборигенов Тайваня, взаимосвязи литературы Дальнего Востока (особенно китайско-монгольские литературно-фольклорные взаимосвязи) и история русского китаеведения. Он — автор нескольких сотен печатных работ, многие из которых опубликованы на китайском, японском, вьетнамском, английском и немецком языках.

Б.Л. Рифтин (по-китайски Ли Фу-цин 李福清), доктор филологических наук, академик РАН, родился в 1932 г. Ленинграде, в 1955 г. окончил китайское отделение Восточного факультета Ленинградского (ныне Санкт-Петербургского) университета, а после окончания университета переехал в Москву и в феврале 1956 г. поступил научным сотрудником в Институт мировой литературы АН СССР. Здесь он и работал более пятидесяти пяти лет, пройдя все ступени научной иерархии (от «младшего» до «главного») и возглавлял Отдел литературу Азии и Африки ИМЛИ. Здесь он подготовил кандидатскую и докторскую диссертации, выпустил подавляющее большинство своих трудов, был избран членом-корреспондентом АН СССР (1987) и действительным членом РАН (2006). С 2005 г. он являлся также профессором Института восточных культур и античности РГГУ, где читал курсы по китайскому фольклору, китайскому классическому роману и источниковедению.

Б.Л. Рифтин был профессором одного из тайваньских университетов, почетным профессором Ляочэнского университета и Синьцзянского педуниверситета (КНР), зарубежным профессором Нанькайского и Шаньдунского университетов (КНР). Он постоянно принимал участие в международных симпозиумах в КНР, на Тайване, в Японии, США, Германии, Чехии, Словакии, выступал с научными докладами и лекциями в Китае, Германии,

Англии, Голландии, Австрии, Вьетнаме, Японии, США и в других странах. Научный авторитет Б.Л. Рифтина чрезвычайно высок. Он был членом многочисленных редколлегий востоковедческих журналов и книжных серий, лауреатом Государственной премии СССР (1990), его деятельность отмечена наградами Тайваня (1993) и КНР (2003, 2007, 2010).

Когда заходила речь об учителях, Борис Львович называл три имени: В.М. Алексеев, В.Я. Пропп, Е.М. Мелетинский.

От замечательного отечественного синолога, академика В.М. Алексеева, профессора Восточного факультета ЛГУ, студент-китаист усвоил принцип комплексного изучения литературы, фольклора, народного искусства и народных верований; под его влиянием сложилось отношение к китайской литературе не как к изолированному феномену, а как к части мировой литературы, с одной стороны, и словесности дальневосточного ареала — с другой (хотя для синологии такой подход отнюдь не самоочевиден). Впоследствии в своей научной деятельности Борис Львович распространил подобный принцип на исследование мифологических, сказочных и эпических традиций Китая (в частности, обратившись к проблеме миграции индийских сюжетов в дальневосточный регион) и сделал это исследование в полном смысле слова компаративным.

С именем В.М. Алексеева связана и многолетняя деятельность Б.Л. Рифтина как собирателя, исследователя и издателя *няньхуа* — своеобразных китайских лубков на разнообразнейшие фольклорные, театральные и прочие сюжеты. В.М. Алексеев был первым синологом, увидевшим в простонародных картинках серьезный элемент китайской культуры. Еще в студенческие годы В.М. Алексеев попытался понять смысл попавшейся ему на глаза народной картины из собрания ботаника Комарова, но не преуспел в этом; не смогли или не захотели помочь ему и преподаватели — как русские, так и китайцы. Только оказавшись в Китае, молодой магистрант смог постепенно проникнуть в многозначный мир народных изображений, построенных, как правило, на сочетании различных изобразительных и словесных ребусов. В.М. Алексеев собрал замечательную коллекцию китайских народных картин, но опубликовать их не смог — подобный альбом требовал серьезных денег на издание, а найти их не удалось.

Не удалось напечатать при жизни В.М. Алексеева и почти ничего из написанного им о китайских лубках. Б.Л. Рифтин сделал очень много для того, чтобы через пятнадцать лет после смерти ученого появился сборник его статей. С тех пор Борис Львович не оставлял занятий народными изображениями, сосредоточившись на сюжетах лубочных картин. Он первым в синологии сумел показать, как воплощаются в народном искусстве сюжеты двух романов-эпопей — «Троецарствия» и «Речных заводей», как взаимодействуют письменная литература и народные традиции. В 1991 г. в Пекине был издан подготовленный Б.Л. Рифтиным альбом, в котором не только представлены уникальные лубки, но и сделана фундаментальная попытка классифицировать изображения по типам. Продолжением этой работы стало исследование о связи словесных и изобразительных картин в китайской традиционной словесности.

Как профессиональный фольклорист Б.Л. Рифтин получает подготовку у В.Я. Проппа — также еще в студенческие годы, в течение трех лет (1952–1955) слушая его курсы и занимаясь в его семинаре (на филологическом факультете и на факультете народов Севера ЛГУ). Интерес к фольклору неразрывно связан с интересом к живой устной традиции. И вот, начиная с первого курса и на протяжении ряда лет (1951, 1953, 1954), Б.Л. Рифтин ездит для изучения диалектов разговорного китайского языка в Киргизию к дунганам — китайским мусульманам, относительно недавним выходцам из Китая. Работая в колхозе подручным каменщика, он впервые слышит исполнение сказок и песен, делает свои первые записи сказочных текстов (они положили начало его исследованиям как собственно дунганской, так и китайской сказки). Там же слышит он и сказание о Великой стене, которое впоследствии ляжет в основу его кандидатской диссертации (1961) — в ней по письменным источникам, по фиксациям устной традиции Б.Л. Рифтину удается проследить особенности более чем тысячелетнего развития данного сюжета в его разных жанровых воплощениях, показав тем самым, какие безграничные возможности для изучения истории фольклора дает материал китайской словесности.

До конца жизни В.Я. Пропп внимательно следит за научной деятельностью своего ученика. В отзыве на его докторскую диссертацию он подчеркивает, что автору успешно удалось «уста-

новить закономерности перехода литературной эпопеи, имеющей своим источником фольклор, обратно в устную сказовую традицию», рассмотреть обе направленности движения между фольклором и литературой. Он высоко оценивает мастерство, с которым проанализирована «совокупность всей художественной системы традиционного прозаического сказа, включая формы исполнения (речь, жесты, мимику, интонацию), это мог сделать только живой и вдумчивый слушатель, по книгам этого не сделаешь» (и действительно: в Пекине Б.Л. Рифтин имел счастливую возможность ознакомиться с исполнением народного сказа, так сказать, в естественных условиях). По мнению Владимира Яковлевича, «хорошо раскрыта фактура фольклорных произведений, а именно она в первую очередь определяет успех у слушателей и художественность изложения. Точно и четко показано в работе, как авторский текст переходит в фольклор и что при том получается, очень хорошо говорится о детализации описания в письменном и устном повествовании, об отличии между эпическим и драматическим искусством. Продуманно решается спорный вопрос о взаимоотношении между сказительским текстом, письменной литературой и традиционным фольклором». В.Я. Пропп поддерживает как предложенную Б.Л. Рифтиным методику «сопоставления вариантов китайского прозаического сказа с разбивкой на отдельные действия», так и «введение новых терминов (“узлы”, “интервалы”, “плоскости повествования”)». Можно добавить, что методика Б.Л. Рифтина действительно может быть весьма продуктивно использована в гораздо более широком круге фольклористических исследований.

Примечательно, что зачисляется Борис Львович в ИМЛИ в один день с Е.М. Мелетинским, также оказавшим сильнейшее влияние на молодого востоковеда в его сравнительно-типологических занятиях мифом, сказкой и эпосом. В частности, именно под этим влиянием Б.Л. Рифтин продолжил работу (начатую еще В.М. Жирмунским) по компаративному расширению круга типологически однородных эпических мотивов, вводя в него китайский материал, до того совершенно неосвоенный; для синологии это еще один убедительный опыт включения самобытных традиций Китая в контекст мировой культуры. С другой стороны, Борис Львович впервые в филологии после-

довательно применил к китайскому фольклору аналитические приемы русской фольклористики. Первым в отечественной науке обратился Б.Л. Рифтин и к углубленному исследованию китайской мифологии, причем не только древних традиций, реконструируемых по книжным памятникам, но и к ее живым формам, связанным с современными религиозными культурами (что также раньше не делалось). Результат — монографии, статьи на русском и китайском языках, грандиозные библиографии по данному предмету.

В 1970-е годы Борис Львович много занимался китайскими сюжетами в монгольском фольклоре, прежде всего — синтетическим жанром «книжных сказов» (бэнсэн улигэр), причудливо сочетающим в себе стилистические черты монгольского героического эпоса с тематикой китайских историко-авантюрных повествований. Он ездил в монгольские фольклорные экспедиции (1974, 1976, 1978), записывая и изучая уникальные образцы творчества восточномонгольских эпических певцов (*хурчи*).

С 1992 по 1998 г. Б.Л. Рифтин преподавал в университетах Тайваня, читал на китайском языке китайским студентам курсы по китайскому фольклору (один год — также и русскому), китайскому классическому роману и русско-китайским отношениям (до XX в.). Кроме того, он руководил научной программой по собиранию и изучению устных традиций аборигенов Тайваня. Это второй случай в русской науке после Н.А. Невского, еще в 1920-е годы собиравшего фольклор в этих краях. Борис Львович ездил по следам своего знаменитого предшественника, дополняя его наблюдения и отмечая изменения, которые произошли в течение этих семидесяти лет.

Особо надо остановиться на теоретических штудиях Б.Л. Рифтина в сфере китайской и, шире, дальневосточной словесности. В целом ряде его работ делается весьма небезуспешная попытка рассматривать литературы Востока в контексте всемирной литературы, распространить — с соответствующими дополнениями и коррекцией — западные литературоведческие категории на восточный материал, не лишая его оригинальности и самобытности. Так, исследуя проблему жанра в китайской литературе и признавая приемлемость этого понятия для средневековой китайской словесности, Б.Л. Рифтин подчеркивает эффективность собственно китайских механизмов складывания

и оформления жанровых категорий посредством фиксации их в соответствующих антологиях — прозаических и поэтических.

К этому направлению ученой деятельности Б.Л. Рифтина примыкают его работы о переводе с китайского языка на русский известных литературных произведений, главным образом прозаических. Здесь нельзя не выделить масштабную статью, в которой буквально слово за словом разбирается работа академика В.М. Алексеева по воссозданию на русском языке блестящего стиля великого китайского новеллиста Пу Сун-лина (Ляо Чжая); кроме другого русского перевода и перевода на английский для сравнения привлекается перевод и на современный китайский язык. Используя введенные М.Л. Гаспаровым понятия «точности» и «вольности» перевода, Б.Л. Рифтин убедительно свидетельствует о высочайшем мастерстве В.М. Алексеева — создателя особого языка для возможно более полной передачи стилистической многослойности и лексического изобилия китайского оригинала.

Необходимо, наконец, упомянуть об удивительной способности Бориса Львовича находить в разных библиотеках мира неизвестные исследователям образцы художественной словесности старого Китая. Об этих находках расскажут такие публикации Б.Л. Рифтина, как «Дополнения к каталогам китайских романов и произведений простонародной литературы», «Каталог печатных изданий простонародной литературы провинции Гуандун из собраний России». В Санкт-Петербурге он отыскал рукопись великого романа «Сон в Красном тереме», в Москве — рукопись несохранившегося в Китае старинного романа «Гу ван янь» («Хотите — верьте, хотите — нет»). Не случайно вокруг имени Б.Л. Рифтина — книжного археолога слагались легенды. Говорят, однажды, беседуя с директором Пекинской библиотеки в его кабинете, он заметил, что под ножку старинного книжного шкафа для устойчивости подложена стопка бумаг с иероглифами. Приглядевшись, Б.Л. Рифтин настоятельно попросил у хозяина разрешения посмотреть на бумаги, а когда, уступая упорству гостя, шкаф приподняли, оказалось, что устойчивость ему придавал старинный, никому не известный ксилограф. Что ж, порой легенда говорит о человеке больше, чем самая правдивая история.

Если отвлечься от того огромного значения, которое труды Б.Л. Рифтина имеют для китаеведения (шире — для изучения

словесности всего дальневосточного региона), и кратко резюмировать уникальный исследовательский опыт ученого, то следует признать следующее: современное исследование устной и книжной словесности достигает тем больших успехов, чем эффективнее используются методы сравнительного и типологического анализа. В книгохранилищах и архивах, в дунганской деревне и в павильоне пекинского сказителя, в монгольских степях и у аборигенов Тайваня Борис Львович всегда оставался верен сравнительному и типологическому методам, рассматривая каждое явление не только в его своеобразии, но также в широком контексте мировой литературы и мировой культуры.

Была одна важная область деятельности ученого, в которой Б.Л. Рифтин десятилетиями преуспевал до обидного мало, — преподавание, или, говоря возвыщенно, воспитание научной смены. Это тем более досадно, что каждый, кто когда-нибудь обращался к Рифтину за научной консультацией (а это, без преувеличения, практически все действующие наши китаеведы!), помнит, сколь безотказен и самоотвержен бывал он в поисках ответов на любой профессиональный вопрос, как часами возился с безвестным студентом или помогал маститому коллеге. В Рифтине чувствовался прирожденный наставник, и отсутствие учеников, способных воспринять от него бездну синологической премудрости, огорчало не только его самого.

Эту вопиющую несправедливость удалось отчасти исправить, увы, только ближе к концу жизненного пути ученого. Когда в нашем тогдашнем Институте восточных культур и античности открылась специализация по китаеведению, пригласить преподавать Б.Л. Рифтина было поистине делом чести. Согласился он с присущей ему благородной простотой, не кокетничал занятостью, не ссылался на годы (и вправду немалые!), даже зарплатой не поинтересовался. Начал приезжать и читать лекции. Сначала первокурсникам «Введение в синологию» (кстати, единственный курс, который сам успел прослушать у великого Алексеева), раздел «Словари и справочники». Нужно было видеть, как ранним утром маститый ученый спешит к университетскому подъезду с тяжеленным рюкзаком книг. «А как же иначе, нужно, чтобы студенты с самого начала привыкали к словарям, знали, где что искать», — неизменно уверял он молодых коллег.

Повзрослевшим студентам-китаистам академик Б.Л. Рифтин начал читать курс китайского фольклора. Мы, преподаватели, прекрасно понимали, как несказанно повезло нашим подопечным: профессор обладал обширными, уникальными знаниями в предмете. Хочется думать, они оценили не только выдающуюся синологическую эрудицию лектора, но и доброту Бориса Львовича, его нечиновность, доступность, старомодную его учтивость и уходящую, к сожалению, из преподавательского обихода пунктуальность.

В память такого человека и ученого Институт классического Востока и античности НИУ ВШЭ и начал проводить Рифтинские чтения, которым, как и трудам Б.Л. Рифтина, суждена, надеемся, долгая жизнь.

Вклад академика Б.Л. Рифтина в развитие на Тайване типологических фольклористических исследований и синологии

Тан Мэн Вэй

В этой статье рассматривается научная деятельность Б.Л. Рифтина на Тайване, в том числе отмечается его неоценимый вклад в типологические исследования мифологии коренных народов Тайваня, а также китайских легенд о Гуань-гуне. Кроме того, чтобы восстановить исследовательский путь Б.Л. Рифтина, мы обратимся к воспоминаниям его тайваньских коллег. В заключительной части обобщаются результаты его исследовательской работы, уточняется значение его деятельности в развитии синологии на Тайване.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: Б.Л. Рифтин, синология, российское китаеведение, тайваньские исследования, коренные народы Тайваня, типологические исследования фольклора.

Выдающийся российский и советский китаевед, академик В.М. Алексеев (1881–1951) говорил: «Если человек, исследующий иностранную культуру, сможет получить признание от страны изучаемой культуры, для него это будет большая честь». В этом Б.Л. Рифтин (1932–2012) похож на своего учителя, академика В.М. Алексеева, труды которого высоко оценило китайское научное сообщество.

В 1991 г. Б.Л. Рифтин по приглашению Тамканского университета прибыл с коротким визитом на Тайвань. Он стал одним из первых российских китаеведов, посетивших остров после распада СССР. С 1992 по 1998 г. Борис Львович, занимая должность приглашенного профессора в Государственном уни-

Конец ознакомительного фрагмента.

Приобрести книгу можно

в интернет-магазине

«Электронный универс»

e-Univers.ru